

0.1 Византийский приоритет. Текстологическое решение.

Современные критические издания НЗ (UBS5 и NA28) содержат большое количество расхождений с общепринятым на Православном Востоке текстом.¹ Многие критики христианства используют этот факт для атаки на богодухновенность Священного Писания. Особенно большое распространение (в том числе среди христиан) получили книги Б. Эрмана (нужна сноска).

Прежде чем обсуждать обоснованность критики, попробуем разобраться в тех базовых установках, которые приводят исследователей к отвержению богодухновенности НЗ.

Многие из библеистов, занимающихся текстом Нового Завета являются выходцами из консервативной протестантской среды². Для этой среды характерно буквалистское понимание богодухновенности Священного Писания, связанное с концепцией “промыслительного сохранения” текста. По мысли фундаменталистов Бог сохраняет “каждую черту” (Мф. 5:18) библейского текста.

Когда выходец из этой среды получает доступ к современным данным текстологии НЗ (которые остро противоречат вышеприведенному мнению), возможен целый спектр реакций: разочарование в буквализме и переформулирование “промыслительного сохранения” в смысле сохранения мыслей, смысла высказываний, а не каждой его буквы. Если же исследователь оказывается неспособным расстаться с ложным представлением о смысле богодухновенности, его может ждать разочарование в христианстве, как это случилось с Эрманом³.

Еще один ответ на вызов современной текстологии заключается в попытке опровергнуть ее выводы. По этому пути пошли Пирпойнт, Робинсон и другие библеисты, настаивающие на т.н. “Византийском приоритете” (ВП). Кажется, их труды слишком напоминает усилия “креационистов” в их споре со сторонниками теории эволюции.

На мой взгляд изначальный фундаментализм делает выводы многих исследователей “притянутыми за уши” к определенной концепции (это касается, например, Б. Эрмана и М. Робинсона, каждый из которых неявно продолжает придерживаться понимания богодухновенности Писания в буквалистском смысле, хотя приходят к противоположным выводам относительно судьбы НЗ текста и его значения).

¹ Речь идет о т.н. “тексте большинства” Византийских рукописей. Церковнославянский перевод Елизаветинской Библии основан на варианте, близком к тексту большинства.

² По собственным словам Эрмана, в библейско институте Муди, где он учился “господствовала только одна точка зрения... Библия — непогрешимое слово Божье. В ней нет ошибок. Она целиком и полностью ниспослана свыше, и в самых ее словах — «словесная, полная богодухновенность»” Искривленные слова Иисуса. Москва: Эксмо, 2009, С. 17.

³ “Я стал воспринимать Новый Завет как сугубо человеческую книгу. Я понял, что Новый Завет в известной нам ныне форме — плод человеческих трудов, изделие рук переписчиков. Затем до меня постепенно дошло, что не только переписанный, но и оригинальный текст представляет собой человеческую книгу. Эти представления ничем не напоминали те, которых я придерживался в двадцать лет, когда только возродился в вере и был убежден, что Библия — непогрешимое слово Божье, а сами библейские слова явлены нам Святым Духом”, Ibid, С. 288.

Надеюсь, в результате данного обзора, мне удастся сформулировать позицию разумного нейтралитета, соответствующего с одной стороны уважительному отношению к достижениям науки, а с другой — убежденности в определяющей роли церковной традиции, Предания, в противовес протестантскому “Solo Scriptura” и тем крайностям в отношении к НЗ тексту, которые с этим связаны.

Итак, изложим основные положения современной библейской критики:

1. Текст Библии (и НЗ в частности) изменялся со временем. Поскольку тексты священных книг в древности переписывались вручную, в них всегда присутствовали ошибки, лакуны, добавления. Это могло происходить как из-за невнимательности писца, так и в результате намеренных изменений.

С этим положением не станет спорить ни один человек, познакомившийся с критическим аппаратом изданий UBS или Нестле-Аланда. Несогласие может относиться только к степени повреждения текстов: оптимисты (например, сторонники гипотезы ВП) считают, что изменения не касались содержания, определяющего вероучительную ценность Писания. Скептики, напротив, считают, что повреждения настолько серьезны, что вряд ли можно говорить даже о возможности восстановления оригинала.

На мой взгляд результаты их изысканий зависят от идеологических установок, согласно которым, Бог должен был сохранить текст Нового Завета совершенно неповрежденным⁴, практически до буквы. Однако, эта позиция сталкивается с рядом трудностей. Во-первых, древнейшие сохранившиеся памятники (как папирусы, так и пергаментные кодексы) содержат не Византийский тип текста, а скорее смешанный. Так, в папирусе Р66 лишь 13% представляет текст, который можно отнести к Византийскому типу. Некоторые сторонники ВП предполагают, что папирусы II-III в. Палестины и Малой Азии содержали Византийский тип текста (или его предшественника). Однако эти рукописи не сохранились из-за более сырого, по сравнению с Египтом климата.

Более того, сторонники ВП критикуют методологию критических изданий НЗ, упрекая авторов в том, что они не учитывают нормативный способ передачи текста из рукописи в рукопись. Так, М. Робинсон считает, что древним переписчикам вовсе не свойственно было с легкостью вносить изменения в текст. Он подчеркивает, что изменения (ошибки и намеренные исправления), возникшие в изолированной небольшой группе рукописей, как правило не выходили за рамки группы, не оказывая влияние на переписчиков основной традиции.

Еще один упрек — в том, что авторы критических изданий достаточно пристрастны в выборе группы источников, которая соответствует их представлениям о

⁴Обычно в поддержку этой точки зрения приводится ряд цитат:

“Слова Господни - слова чистые, серебро, очищенное от земли в горниле, семь раз переплавленное” (Пс 11:7). *“Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все”* (Мф 5:18). *“небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут”* (Мф 24:35). *“Но скорее небо и земля прейдут, нежели одна черта из закона пропадет”* (Лк 16:17).

древности и аутентичности. Робинсон приводит ряд красноречивых примеров такой пристрастности (1 Кор 5:5).

Аланд и другие слишком много внимания уделяют отдельным “юнитам” текста, раздробляя фразы на отдельные фрагменты

0.1.1 Заключение:

Буквализм в понимании богодухновенности Библии, встречаясь с современной текстологией, приводит к двум полярным результатам: к отвержению веры в богодухновенность Библии (Эрман), или к отвержению данных науки (Робинсон, Пирпойнт). Существует более взвешенная позиция, рассматривающая богодухновенность не в смысле буквальной передачи текста (этот подход напоминает отношение мусульман к Корану), в значении сохранения смысла, возвышающегося над конкретной формулировкой человеческого языка.

Если продолжить аналогию с Воплощением. Бог воспринял несовершенное человеческое тело (в том смысле, что Господь Иисус Христос испытывал жажду и голод, уставал и т.д.) ради нашего спасения. Он вверил Своей Церкви передачу Благой Вести, несмотря на то, что люди, которые составляют христианскую Церковь, обладают своими слабостями, например, склонны к ошибкам, могут по своему усмотрению изменить священный текст, чтобы он лучше соответствовал представлениям конкретной общины... И все же Бог не стал вмешиваться явным образом в процесс передачи. Кажется, за редким исключением Он предпочитает незаметные, плавно текущие процессы, за исключением тех случаев, когда необходимы явные вмешательства, укрепление в вере

Интересно, что основная ветвь передачи сохраняет текст на протяжении тысячи лет без значительных изменений, в то время как другие типы текста (Александрийский, Западный) перестали передаваться.

Искаженные слова Иисуса. Москва: Эксмо, 2009.